УДК 343.3/.7

К вопросу об истории уголовно-правового противодействия некоммерческим организациям, посягающим на личность и права граждан

Кирилл Игоревич Тимощук
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kirill_timoshhuk@rambler.ru, SPIN-код: 8075-1157

Аннотация. Статья представляет собой результат историко-правового исследования, посвященного генезису уголовно-правовых норм, направленных на противодействие организациям, посягающим на личность и права граждан. Автор использует исторический метод, позволяющий выявить преемственность правового регулирования от законодательства Российской империи к советскому и современному российскому праву. В работе анализируются такие ключевые акты, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г., подчеркивается, как религиозный фактор влиял на формирование составов преступлений, связанных с ересями и расколами. Статья демонстрирует, что современные уголовно-правовые запреты деятельности деструктивных организаций имеют глубокие исторические корни, а их эволюция отражает изменения в подходах государства к защите прав личности и общественной безопасности.

Ключевые слова: уголовное право, исторический метод исследования, некоммерческие организации, секта, преемственность законодательства

Для цитирования: Тимощук К.И. К вопросу об истории уголовно-правового противодействия некоммерческим организациям, посягающим на личность и права граждан // Правда и закон. 2025. № 4(34). С. 51–59.

On the history of criminal law counteraction to non-commercial organizations infringing upon the person and rights of citizens

Kirill I. Timoshchuk
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kirill_timoshhuk@rambler.ru, SPIN: 8075-1157

Abstract. The article is a historical and legal study result devoted to the genesis of criminal law norms aimed at countering organizations that infringe upon the person and rights of citizens. The author uses the historical method, which allows to reveal the continuity of legal regulation from the legislation of the Russian Empire to Soviet and modern Russian law. The paper analyzes such key acts as the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, the Charter of Criminal Procedure of 1864, and the Criminal Code of 1903, emphasizing how the religious factor influenced the formation of crimes related to heresies and schisms. The article demonstrates that modern criminal law prohibitions on the activities of destructive organizations have deep historical roots, and their evolution reflects changes in the state's approaches to protecting individual rights and public safety.

Keywords: criminal law, historical research method, non-commercial organizations, sect, continuity of legislation

© Тимощук К.И., 2025

For citation: Timoshchuk K.I. On the history of criminal law counteraction to non-commercial organizations infringing upon the person and rights of citizens // Truth and law. 2025. № 4(34). P. 51–59.

Русское государство, Российская империя, СССР и, наконец, Российская Федерация постоянно сталкивались с необходимостью противодействия лицам и организациям, посягающим на личность и права граждан, и часто такие преступления были обусловлены религиозными мотивами. Как уже было указано в других работах автора, результаты анализа российского законодательства XII–XIX вв. свидетельствуют о том, что основой формирования современных уголовно-правовых запретов деятельности организаций, посягающих на личность и права граждан, являются их глубокие исторические корни [1].

Развитие и совершенствование уголовного законодательства шло, также и по пути совершенствования норм, установивших ответственность за преступления против веры и церкви. Сказанное в полной мере относится к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях). В Особенной части Уложения о наказаниях традиционно на первом месте находились именно преступления против веры (разд. II)[1]. Объединенные в данном разделе нормы систематизированы в несколько глав: о богохулении и порицании веры (гл. 1); об отступлении от веры и постановлений церкви (гл. 2); об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния (гл. 3); о святотатстве, разрытии могил и оскорблении мертвых тел (гл. 4). Столь детальная регламентация преступлений рассматриваемой группы свидетельствует о том, что указанные деяния были достаточно распространены, и государство было вынуждено бороться с ними, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В контексте настоящего исследования наибольший интерес представляют нормы, объединенные в отделение второе главы второй Уложения о наказаниях «О ересях и расколах». Однако и нормы, содержащиеся в иных главах и отделениях, представляется возможным рассматривать в определенной мере в качестве прообраза преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (УК РФ).

Например, с этих позиций достойна внимания ст. 190 Уложения о наказаниях[3], предусмотревшая ответственность за отвлечение от веры в виде лишения всех прав состояния и ссылки в каторжную работу на срок от 8 до 10 лет, а в случае установления факта применения насилия – к тому наказанию на срок от 12 до 15 лет. Самостоятельная статья (ст. 197 Уложения о наказаниях[4]) посвящена ответственности за привлечение православных в иное, хоть и христианское вероисповедание, а также в еретическую секту или раскольнический толк в проповеди или в сочинениях, то есть за действия, направленные на отвлечение от веры более широкого круга лиц.

В упомянутом уже отделении втором главы второй Уложения о наказаниях систематизированы нормы, предусматривающие ответственность за «распространение существующих уже между отпавшими от церкви православный ересей и расколов», а также и «в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект» (ст. 206 Уложения о наказаниях). Иными словами, законодатель не только считал необходимым установить ответственность за вовлечение в уже существующие секты

[1] Цит. по Законодательство первой половины XIX века. / отв. ред. тома д-р юрид. наук, проф. О.И. Чистяков. М., 1988. Т. 6. С. 174–309.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 нояб. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Цит. по Законодательство первой половины XIX века. / отв. ред. тома д-р юрид. наук, проф. О.И. Чистяков. М., 1988. Т. 6. С. 214.

[4] Там же. С. 215.

и участие в них, но и за вовлечение в какие-либо новые, еще неизвестные правоохранительным органам секты.

В следующих нормах перечислены некоторые из уже известных сект, в числе которых упоминаются духоборцы, иконоборцы, малаканы, скопцы и другие принадлежащие к ересям, которые уже признаны особенно вредными или будут признаны таковыми (ст. 207 Уложения о наказаниях). При этом законодатель исходил из того, что, если распространение ереси сопровождается насилием, это является «увеличивающим вину обстоятельством»[5] (ст. 210 Уложения о наказаниях). Самостоятельные статьи посвящены ответственности за принадлежность лица к «ересям, соединенным со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других», а также «за смертоубийство или покушение на убийство» по побуждениям такого фанатизма (ст. 212 Уложения о наказаниях)[6], «за заведение раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ» (ст. 215 Уложения о наказаниях)[7].

Определенные параллели деятельности некоммерческой организации (НКО), посягающих на жизнь и права граждан, могут быть проведены именно с изуверскими сектами, которые пропагандировали посягательства на свою жизнь и жизнь других людей и членовредительство. Особую опасность представляли именно такие секты, и в частности скопцы. Поэтому Императорским указом от 10 июня 1850 г., который был секретным и не публиковался в Своде и Полном собрании законов, ответственность скопцов по ст. 207, 210 и 211 была увеличена. Так, «ересеначальники» и активисты наказывались каторжными работами на срок от 15 до 20 лет, а те, кто совершал оскопление насильно, – бессрочной каторгой[8].

С учетом того, что нормы, установившие ответственность за основание и членство в тайных обществах и «запрещенных сходбищах», помещены в разд. 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления», становится очевидным, что речь в них идет не о сектах или иных обществах раскольничьего или еретического характера.

Утверждение Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. (далее – Устав 1864 г.) знаменовало собой новый этап развития уголовного законодательства царской России. Продолжая в определенной мере традиции, заложенные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г., Устав 1864 г. ограничивал права раскольников: они не допускались к свидетельству под присягой, если был заявлен отвод какой-либо из сторон процесса[9], а также содержал самостоятельный разд. 1 книги третьей, который объединял статьи, регулирующие особенности судопроизводства по делам с участием духовного ведомства, в том числе нормы гл. 1 «О судопроизводстве по преступлениям против веры и по другим, соединенным с нарушением церковных правил»[10].

В контексте рассматриваемых вопросов интересным представляется тот факт, что если в целом по делам о преступлениях против веры предварительное следствие начиналось не иначе, как по требованию духовного начальства, то по делам о распространении особо вредных ересей, в том числе соединенных со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на свою жизнь или жизнь других людей, а также с «противонравственными, гнусными действиями»[11], предварительное следствие начинается и без такого требования (ст. 1006, 1007 Устава 1864 г.).

[5] Там же. С. 219.
[6] Там же. С. 219.
[7] Там же. С. 220.
[8] Там же. С. 339.
[9] Цит. по Судебная реформа / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Б.В. Виленский. М.: Юрид. лит-ра, 1991. Т. 8. С. 129–130.
[10] Там же. С. 216–218.
[11] Там же. С. 218.

Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (далее – Уголовное уложение 1903 г.) принято именовать последним по времени принятия законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права [2]. В нем, развивая сложившиеся традиции, гл. 2 объединила нормы, устанавливающие ответственность за нарушения ограждающих веру постановлений [2]. По-прежнему к ответственности привлекаются лица, совратившие другое лицо к переходу из православия в существующие или вновь проповедуемые «расколоучение или секту» (ст. 84 Уголовного уложения 1903 г.). Наказание ужесточается, если такое преступление соединено с насилием, с изуверным посягательством на свою жизнь или жизнь другого человека, а также оскоплением себя или других. Аналогичному наказанию подлежит и последователь скопчества или иного «изуверного учинения»[12]. Уголовное наказание было предусмотрено за оскопление как с согласия лица, так и против его воли путем применения насилия (ст. 85 Уголовного уложения 1903 г.), а также за принадлежность к расколоучению или секте с изуверным посягательством на свою жизнь или жизнь другого человека, с оскоплением себя, в том числе и в результате «заблуждения фанатизма» или иного лица (ст. 96 Уголовного уложения 1903 г).

Как видно из текстов законодательных актов, последовавших за Уложением о наказаниях, законодатель делает акцент на ответственности за преступления, связанные с сектой скопцов, остальные же раскольнические секты не называются. Используется собирательный термин «секты, связанные с изуверными посягательствами». Представляется, что такой подход явился результатом осознания того, что нет необходимости перечислять уже существующие секты, поскольку некоторые из них возникали и достаточно быстро прекращали свое существование, другие в процессе существования перерождались, меняя разделяемые ими идеи, но не меняя способа действий.

В 1830 г. по указу императора молокане стали ссылаться в закавказские провинции. Также большое количество молоканских семей были отосланы в украинские степи – по большей части в нынешнюю Запорожскую область, где по некоторым источникам молокане существуют до сих пор [3].

В 1876 г. появилось так называемое движение штундистов, проявлявшееся в виде стихийно возникавших в крестьянской среде кружков по чтению и толкованию Священного Писания [4, с. 317]. Наиболее характерными чертами штундистского движения отмечались отрицание Священного Предания и священноначальнической иерархии как непременной посредницы в спасении; отказ от таинств и чина церковных богослужений, от «святых угодников» и нередко от крещения младенцев [5, с. 219].

Власти Российской империи, оценивая потенциальную общественную опасность деятельности таких организаций, последовательно осуществляли их преследование. Дополнительную правовую основу противодействие деятельности таких организаций получало на основании того факта, что в Своде законов Российской империи православная вера была закреплена как «первенствующая и господствующая» и, соответственно, все отступления от утвердившихся догматов признавались незаконными.

При Николае I наказанием за самооскопление стала вечная ссылка в Сибирь с лишением всех прав состояния, а годных по возрасту и здоровью направляли пожизненно служить в самые отдаленные части [6]. С приходом к власти Николая I также были введены запреты на молитвенные собрания молокан и проведение обрядов, воспрещалось нанимать их на работу.

Преследование штундистов государством начало осуществляться буквально через несколько лет после возникновения движения. Так, один из первых штундистов

[12] Цит. по Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит-ра, 1994. Т. 9. С. 297.

Михаил Ратушный был арестован и осужден на тюремное заключение в 1865, 1867 и 1868 г.

Ещё один из начинателей движения Иван Рябошапка был арестован дважды – в 1867 и 1868 г. [7, с. 545], а в 1872 г. в Киевской губернии состоялся суд над штундистами-крестьянами, по результатам которого, например, крестьянин Г. Балабан был приговорен к году заключения, а несовершеннолетняя Е. Цымбалова – к двум месяцам заключения [8, 9].

Таким образом, представляется возможным сделать промежуточный вывод о том, что уголовно-правовое противодействие организациям, посягающим на личность и права граждан в Российской империи, было тесно связано с защитой государственной религии, а законодательство в рассматриваемой области было направлено в первую очередь на подавление религиозного инакомыслия, рассматриваемого как угрозу общественному порядку и государственной безопасности.

В советский период церковь была отделена от государства, поэтому изменился и подход законодателя к определению того, какие деяния должны признаваться преступными. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.[13] самостоятельная гл. III была посвящена нарушениям правил об отделении церкви от государства. В контексте настоящего исследования интерес представляют ст.: 119 УК РСФСР – Использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам постановлениям; 120 УК РСФСР – Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды. Наличие ст. 122 УК РСФСР, установившей ответственность за всякое принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций или групп, а также ст. 123 УК РСФСР, которая предусматривала ответственность за присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц, свидетельствует о том, что такая деятельность осуществлялась и была необходимость противодействовать ей, в том числе и мерами уголовно-правового характера. Интересным представляется то, что одновременно под угрозой уголовного наказания запрещалось воспрепятствовать исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан (ст. 125 УК РСФСР).

Таким образом, следует признать, что в советский период, несмотря на существенные политические и правовые преобразования, взгляды на деятельность некоммерческих организаций, посягающих на права граждан, изменений не претерпели, хоть их реализация и не была безусловно успешной. Так, в 1929 г. успешно прошел всесоюзный судебный процесс над сектой скопцов [10, 11], и несмотря на то, что последние достоверные упоминания о существовании секты относятся к 1930 г. [12], во втором издании Большой советской энциклопедии отмечалось, что в 1947 г. секта еще действовала в СССР [13].

Во избежание дальнейшего уголовного преследования и с целью ухода от ответственности деятельность культа стала вестись с соблюдением строгой конспирации. Советский и российский историк и религиовед А.И. Клибанов приводит подробное описание ритуала посвящения для новых членов организации, включающего клятву неразглашения, причем за нарушения обетов лидеры секты открыто угрожали последователям расправой [13, с. 37]. Таким образом, имевшее место уголовное преследование членов организации представляется необходимым и обоснованным, поскольку деятельность организации представляла реальную общественную опасность.

Аналогичным в целом был подход и Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., провозгласившего своей задачей охрану социалистического государства путем

[13] О введение в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (в ред. от 25 авг. 1924 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

применения к лицам, совершающим общественно опасные действия, мер социальной защиты. Нормы, установившие уголовную ответственность за нарушение правил об отделении церкви от государства, были объединены в главе IV (ст. 122–127 УК РСФСР 1926 г.)[14].

В свою очередь, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.[15] в первоначальной редакции содержал только норму, установившую ответственность за нарушение свободы совести и вероисповедания: воспрепятствование осуществлению соответствующего права, в том числе с использованием насилия или угрозы насилия, а равно с уничтожением и повреждением имущества граждан, религиозных и общественных объединений или с угрозой совершения таких действий (ст. 143 УК РСФСР). Однако Законом Российской Федерации от 27 августа 1993 г. № 5668-1[16] Уголовный кодекс РСФСР был дополнен ст. 143.1 «Организация объединений, посягающих на личность и права граждан», текст которой во многом близок тексту ст. 239 УК РФ.

Таким образом, представляется обоснованным сделать еще один вывод о том, что несмотря на смену государственной идеологии, подход к противодействию деструктивным организациям остался преемственным по своей сути: государство продолжало рассматривать их как угрозу и применяло уголовно-правовые меры. Однако правовая основа кардинально изменилась – вместо защиты веры законодательство было нацелено на защиту политического и общественного строя. Также следует отметить, что деятельность рассматриваемых организаций стала более законспирированной, и их мотивы также начали выходить за сугубо религиозные рамки.

К сожалению, в Российской Федерации опасность, которую представляет деятельность некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан, не утрачивает своей актуальности. Так, например, в 2013 г. произошли события, связанные с деятельностью группы лиц, которые в СМИ упоминаются как «Пермские затворники»[17], деятельность которых уже становилась объектом исследования в других работах автора [13].

Однако Российская Федерация, являясь в некотором смысле правопреемником СССР, Российской империи и Русского государства, последовательно продолжает деятельность по защите населения от некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан. Так, например, в соответствии с решением от 13 июля 2020 г. № 3А-17/2020 3А17/2020~М-2/2020 А-17/2020 М-2/2020 по делу № 3А17/2020 было принято решение о запрете деятельности общественного объединения «Ингушский комитет национального единства», в котором указывается, что в отношении некоторых членов Ингушского комитета национального единства Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу возбуждены уголовные дела, в том числе по ч. 2 ст. 239 и по ст. 330[18] УК РФ («Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного

[14] О введение в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (в ред. от 27 апр. 1959 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

[15] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.; в ред. от 30 июля 1996 г.). Доступ из. справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон Рос. Федерации от 27 авг. 1993 г. № 5668-1 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Сектанты ждут чуда в заброшенных домах глухой деревни // ВЕСТИRU. URL: https://www.vesti.ru/article/1919965 (дата обращения: 22.09.2025).

[18] О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2012 г. № 272-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7597.

документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве»).

Рассмотренные особенности организации и существования НКО, посягающих на личность и права граждан, свидетельствуют о том, что указанные организации могут быть и формальными группами, зарегистрированными в установленном законом порядке, но законспирированными целями, и реально существующими, но без формального определения формы существования. И если первоначально их деятельность базировалась исключительно на религиозной основе, то в последние десятилетия мотивы создания и функционирования таких организаций, а также участие в них обусловлены не только религиозными, но и иными мотивами.

На всех этапах развития российского уголовного законодательства особое значение придавалось противодействию организованным формам объединений граждан, деятельность которых была сопряжена с посягательствами на личность, жизнь, здоровье и права граждан. Именно поэтому в практике уголовно-правового противодействия деятельности НКО, посягающих на права граждан, в истории Российской империи и СССР, прослеживается вполне последовательная политика. Принимая во внимание общественную опасность такой деятельности, власти подвергали уголовному преследованию в первую очередь организаторов данных движений. При этом уголовно-правовые меры противодействия религиозным организациям, посягающим на права граждан, во все время осуществления такого противодействия неизменно демонстрировали свою эффективность.

Список источников

1. Тимощук К.И. Об истории появления уголовно-правовых запретов деятельности лиц и организаций, посягающих на личность и права граждан, в XII–XIX веках // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 4 (108). С. 26–32.

2. Пушкаренко А.А. Введение к Уголовному уложению 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. / под общей ред. д-ра. юрид. наук, проф. О.И. Чистякова; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит-ра, 1994. С. 240.

3. Гузиков И.В. Калмыковы: от Таврии до Средней Азии и обратно // Мелитопольский краеведческий журнал. Мелитополь: Союз краеведов Мелитопольщины, 2014. № 3. С. 74–81.

4. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.

5. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997. 480 с.

6. Горелов В.Н. «Сделать преграду прочим вовлекаться в такое заблуждение». Из истории воинской повинности в России // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 89–93.

7. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1989. 624 с.

8. Решетников Ю.Е. Украинские баптисты и Российская империя: церковно-государственные отношения между Российским правительством и евангельско-баптистским братством на Украине во второй половине XIX – начале XX вв. Одесса: Богомыслие, 1998. 112 с.

9. Станюкович К.М. Картинки общественной жизни. Штундисты: собр. сочинений. Изданіе А.А. Карцева. М.: Типо-литографія Г.И. Простакова, 1897. Т. VII. С. 184–194.

10. Нехамкин С. Членовредители // Аргументы недели. 2009. № 11 (149).

11. Федор Ф. История скопцов. Зачем русские люди добровольно лишали себя гениталий и что они получали взамен // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20211024111739/https://knife.media/skoptsy/ (дата обращения: 22.09.2025).

12. Струве Н.А. Современное состояние сектантства в советской России // Вестник русского студенческого христианского движения. 1960. № 58-59. С. 15–34.

13. Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства: Встречи. Беседы. Наблюдения. М.: Политиздат, 1974. 255 с.

References

1. Timoshchuk K.I. Ob istorii poyavleniya ugolovno-pravovyh zapretov deyatel'nosti lic i organizacij, posyagayushchih na lichnost' i prava grazhdan, v XII–XIX vekah // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2025. № 4 (108). S. 26–32.

2. Pushkarenko A.A. Vvedenie k Ugolovnomu ulozheniyu 1903 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HKH vekov: v 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epohi burzhuazno-demokraticheskih revolyucij. / pod obsh. red. d-ra yurid. nauk, prof. O.I. Chistyakova; otv. red. d-r yurid. nauk, prof. O.I. Chistyakov. M.: Yurid. lit-ra, 1994. S. 240.

3. Guzikov I.V. Kalmykovy: ot Tavrii do Srednej Azii i obratno // Melitopol'skij kraevedcheskij zhurnal. Melitopol': Soyuz kraevedov Melitopol'shchiny, 2014. № 3. S. 74–81.

4. Nikol'skaya T.K. Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 gg. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2009. 356 s.

5. Mitrohin L.N. Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki). SPb.: RHGI, 1997. 480 s.

6. Gorelov V.N. «Sdelat' pregradu prochim vovlekat'sya v takoe zabluzhdenie». Iz istorii voinskoj povinnosti v Rossii // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 89–93.

7. Istoriya evangel'skih hristian-baptistov v SSSR. M.: Vsesoyuznyj sovet evangel'skih hristian-baptistov, 1989. 624 c.

8. Reshetnikov Yu.E. Ukrainskie baptisty i Rossijskaya imperiya: cerkovno-gosudarstvennye otnosheniya mezhdu Rossijskim pravitel'stvom i evangel'sko-baptistskim bratstvom na Ukraine vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. Odessa: Bogomyslie, 1998. 112 s.

9. Stanyukovich K.M. Kartinki obshchestvennoj zhizni. SHtundisty: sobr. sochinenij. Izdanie A.A. Karceva. M.: Tipo-litografiya G.I. Prostakova, 1897. T. VII. S. 184–194.

10. Nekhamkin S. Chlenovrediteli // Argumenty nedeli. 2009. № 11 (149).

11. Fedor F. Istoriya skopcov. Zachem russkie lyudi dobrovol'no lishali sebya genitalij i chto oni poluchali vzamen // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20211024111739/https://knife.media/skoptsy/ (data obrashcheniya: 22.09.2025).

12. Struve N.A. Sovremennoe sostoyanie sektantstva v sovetskoj Rossii // Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya. 1960. № 58-59. S. 15–34.

13. Klibanov A.I. Iz mira religioznogo sektantstva: Vstrechi. Besedy. Nablyudeniya. M.: Politizdat, 1974. 255 s.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 11.11.2025.
The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 11.11.2025.

Информация об авторе
К.И. Тимощук – кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44).

Information about the author
K.I. Timoshchuk – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Lecturer of the Department of General Humanities, Socio-Economic Disciplines of the Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, 191104, St. Petersburg, Liteiny pr., 44).